

Инна Потахина

С УЛЫБКОЙ НАБЕКРЕНЬ

Поэты, где и когда бы они ни жили, – одна большая, многоликая семья. У них свои радости, свое постижение ремесла, встречи с вдохновением и тяжёлая черновая работа. Но есть в их жизни и веселые моменты, когда рождаются экспромты, рифмованные шутки, эпиграммы, комические шаржи, пародии. То есть поэтический фольклор. За жизнь жемчужин этих накапливается много. Говорить про них – одно удовольствие, и заниматься этим любят люди бывалые.

Инна Потахина (1938–2002). Журналист, редактор, поэтесса, автор нескольких стихотворных сборников. Тягой к рифмованному остроумию грешила всегда. «Не вспоминайте меня со скорбными физиономиями», – приказала Инна, когда поняла, что прощаться с жизнью все-таки придется. Они, эти виршеплеты, а уж тем более члены Союза писателей, все такие. Об операции и слышать не хотела, никому ни на что не жаловалась. Как всегда, была полна интереса к тому, что происходит с литературной, журналистской и театральной братией. А когда заходил разговор о «подвигах былых и славе», тут мемуарным откровениям не было конца. Особенно если речь шла о хохмах и розыгрышах. Их-то мы однажды и записали с ней на магнитофон. Так, на память.

Людмила Енисеева-Варшавская

– Остроумными штучками или, как ты говоришь, «поливами», – начала она, – особенно славилась в шестидесятые годы «Ленинская смена». Сплошь молодежная, редакция ее была просто замешана на юморе. Туда-то я и попала работать. Самой большой достопримечательностью «конторы» был огромный, во всю стену секретариата лист ватмана, где каждый мог оставить автограф в виде сочиненного опуса. Прикалывались денно и ночью по любому поводу. Опусов был целый вернисаж, и когда испробовали все возможные жанры, перешли на пародии в форме... эпитафии.

Саше Фридману – замечательному, но весьма амбициозному журналисту, прописали, например, такое:

Бородой упершись в крышку гроба,
Судорожно стиснув кулачки,
Здесь лежат четыре пуда сноба,
Свитер, авторучка и очки.

Или Славе Белову, который в то нигилистическое хрущевское время со всем и вся вступал в принципиальный поединок:

Он в этот мир пришел бороться
Со всем – от культа до дождя.
Сказал пред смертью, что вернется,
И хлопнул крышкой, уходя.

Ване Хромову – бедный, он все ходил и страдал. У него была большая семья, и он выплачивал за кооператив. Ваня бедно жил, плохо одевался, не скидывался по рублю, когда скидывались все. И про него было так:

Он годы волочил, как будто гири,
Он не любил, не пил и не курил,
И выплативши взносы за квартиру,
Он умер тихо – так же, как и жил.

Герману Максимову, который писал фантастические рассказы, досталось следующее:

Здесь вечным сном покоится фантаст,
Всю жизнь он торговал грядущим веком.
Увы, судьба играет человеком –
Отныне он и строчки не продаст.

Не успела я поступить в «Ленинскую смену», у меня выходит первая книжка стихов в серии «Новые стихи». Тоненькая, маленькая книжечка – для меня событие было такое, я гордилась, всем показывала. Праздник души и сердца. Прихожу на работу, а там во всю стену склеенные листы ватмана под шапкой «Осенний лист» и несколько отпечатанных на машинке столбцов для меня. Начинается с того, что:

Ни есаулом, ни поручиком
Я б не хотел, ребята, быть.
Наденьте на меня наручники,
И я тогда не буду пить.
Я буду наблюдать за птахами,
Цепями сладкими звеня.
Ах, Инна, Инна, ах, Потахина,
Закуй в наручники меня!
Ах, Инна, Инна, будь решительной,
Закуй, не заставляя ждать,
А то мне за огнетушителем
Придется в «Радугу» бежать.

Огнетушитель – это вино было такое, а «Радуга» – гастроном. И тут же в защиту сердца поэта выступает второй автор. Там сразу будет ясно, кем автор был первый.

Поэты умирают молча,
Сжимая рукопись в зубах,
Они не скажут даже «Сволочи!»
О самых злых своих врагах.

Но ты молчишь, ты слишком гордая,
 Чтоб предъявить счета судьбе,
 И ты спокойно смотришь в морду ей,
 А морда-то при бороде.
 Жизнь всю романтику отринула,
 В ней нет чудес.
 Но есть в ней Фридманы-Мартыновы
 И Гришка Брейгин – Г. Дантес.

Потом они начали развивать воспоминания современников обо мне. Вспоминает Эдик Мацкевич, который кликуху мне выдает «Друг леса и сада». Вообще он все время хвастал своим польским происхождением, и мы звали его все «Збигнев». Збигнев обо мне вспоминал в прозе. Потом Брейгин разродился пародиями на меня:

Я прохожу по тающим пескам
 Усталую походкой Нефертити,
 Плывет тысячелетняя тоска
 Из неумытых окон общежитий.

Или:

Надо мною символом спасения
 Синее бессонное ГАИ.

В общем, они сражались, сражались. И вот заходит Гена Иванов, собкор «Комсомолки», у него книжка вышла «Разбуженный проспект». Издана – класс. Суперобложка, что по тем временам было редкостью! Формат нестандартный. И там одно магистральное стихотворение «Разбуженный проспект» и «Попугай», где птица крутится в клетке и говорит «Дурак! Дурак!». И на другой день появилось такое стихотворение. Не помню даже, кто написал. Называется «Разубоженный проспект»:

Уходят дома и балконы,
 Мужчины и женщины,
 Уходят нетрезвые дворники,
 С витрин исчезает арак.
 А я проезжаю в авто,
 Поэтической славой увенчанный,
 И тем, кто мне скажет «Арак»,
 Я в стихах отвечаю – «Дурак!»

На другой день приходит Иванов – ну как впечатление от книги? А тут уже висит этот шедевр. Он так обиделся, что прекратил ходить к нам в контору.

Герман Максимов написал на дежурстве экспромт. Как бы эзопов язык. Острое стихотворение.

Здесь жизнь и смерть на клеточки разбита,
 И пешек ряд, и за спиной черта,
 А за чертой изнеженная свита
 И злая королевская чета.

Все равнодушно в деревянном мире,
Здесь ни любви, ни ненависти нет,
Здесь только клетки – 64,
И белый цвет, и черный цвет.
Для всех фигур здесь так или иначе
Звучит единый колокол-набат,
Идет война. У всех – одна задача.
И смерть одна. Но не одна судьба.
Здесь счет минут, атаки и маневры,
Здесь только победители правы.
Но королям победа стоит нервов,
А пешкам она стоит головы.
Когда ж тупик – ни вправо и ни влево,
И в свите бреши, и в войсках урон,
Здесь пешку назначают королевой,
Чтоб подпереть шатающийся трон.
И снова пешки на переднем крае
Сквозь черные и белые поля
Идут, идут, идут и умирают.
И шепотом ругают короля.

Немало подначек было и в мой адрес. Они развивали чувство сопротивления, и я, в конце концов, тоже научилась выпускать когти. Но это было потом, лет через пять, а пока все шло своим чередом. Иду как-то на работу, вижу – ЦУМ ограбили. Окна распахнуты, из них свисают связанные простыни. Залетаю в редакцию, а там уже стенгазета «ЦУМбайшпилль». В ней – киносценарий, по которому одна часть ленсменовцев якобы грабила магазин, а вторая в составе лейтенантов Галкина и Эйсмонд, а также собаки Шарик искала бандитов. Героями одного из сюжетов оказались – я, по кличке Блондинка, и Эдик Мацкевич, он же Збигнев. Когда Збигнева нашла собака Шарик, в тексте следовала такая фраза: «Фигура его еще долго сохраняла форму чемодана». А моей героине посвящался стишок, который следовало петь на мотив Окуджавы:

Меня преследуют одни несчастья,
Совсем неважные мои дела,
Меня судили за соучастие,
Нигде участия я не нашла.

Была я женщиной литературною,
Всегда купалась я, как в шелках,
Потом погналась я за жизнью бурною,
И потеряла я ужасный крах.

Теперь запрятали меня без жалости,
Согласно кодексу, за все грехи.
Ах, не жалейте же хоть самой малости,
Пришлите в камеру мои стихи.

Был у нас Гена Бочаров, который работал одновременно и на «Комсомолку» и беспрестанно хвастал своим знакомством с Хрущевым. Как только ни прикалы-

вались над ним ребята – писали эпиграммы, частушки, сочиняли коллажи типа «Никита с Геком и балалайкой», бывая в командировках, присылали из всех городов от Никиты Сергеевича подарки. Гек все бегал на почту получать их. Однажды приходит ему огромный сверток – бумага, бумага, а потом, извините, бюстгальтер и трусики. И записка: «Гек, помнишь, как мы с тобой в Баку, в гостинице!.. Твой Никита».

Герман Максимов, будучи заведомо промышленностью, отличался тем, что все время посылал по почте в отдел литературы под чужими именами фантастические стихи про марсианскую дзюгу. Покупка была у него такая. И вот однажды утром разворачивает он газету и видит – напечатали его вирши! На видное место поставлены с красивым рисунком Саши Островского, и автор якобы из Темиртау. Поймал, значит, на крючок и ходил довольный.

Времена тогда были патриотические, по призыву партии в Казахстан приехало много комсомольцев осваивать целину. Для них специально издавалась газета «Молодой целинник», где был собран цвет союзной журналистики. Конечно, мы сотрудничали с ними и очень любили ездить к ним в командировки. Жили весело, было много песен, снежным комом нарастали частушки. Одним из героев их был наш ленсомоновец Виктор Колодочко, и под гитару пели:

Когда нас дво-, когда нас дво-,
 Когда нас трое,
 Мы пьем коньяк и водочку,
 А коммуни-, а коммунизма
 Не построим,
 Пока живой Колодочко.

А дальше – на злобу дня:

Побереги-, поберегите
 Наши чувства,
 Они у нас печальные,
 А у абстра-, а у абстрактного
 Искусства
 Эх, почва нереальная.

У нас отли-, у нас отличная
 Погода,
 Зимой чего не выкинешь.
 А Евтуше-, а Евтушенко -
 Враг народа
 И Эренбурга выкормыш.

Традиция эта существовала очень долго. Мы, то есть Света Штейнград и я, уже окрепли и стали сами поддевать других. Но вообще в те времена развлекались по-разному. Небезызвестный журналист и писатель Юра Егоров снимал, например, забавные фильмы. Один из них – «“Болеро” Равеля» был очень остроумным. В качестве модели он использовал в нем божественно красивую нашу филологиню Таю Савченко. Приходит человек домой, устраивается удобно с бутылочкой вина, закуривает и раскрывает журнал. А там на фотографии – загадочная и импозантная женщина в роскошной норковой шубе. Мужчина роняет сигарету, а когда

поднимается, на женщине уже не шуба, а платье. И он понимает, что как только у него падает сигарета и он наклоняется, пленительная дива все больше и больше обнажается.

Фильм был на узкой пленке, и мы с удовольствием его крутили.

Тая была подругой Тамары Мадзигон. И тогда я написала такую поливу:

В кинематограф я ходить не стану,
Мне этот бред до лампочки уже,
Ведь Тайка Савченко теперь звезда экрана,
Ее сымает Ю. Егоров в неглиже.
Как выступил партийный вождь Имашев,
Я поняла, что больше так нельзя –
Общественность теперь, наверно, скажет,
Что у меня развратные друзья.

Сериал розыгрышей был у нас и на радио, когда я там работала. В те поры оно было вместе с телевидением. Как-то однажды мы всю ночь записывали песню на стихи одного нашего поэта (не буду называть фамилию), где был такой припев:

Мы по первому слову Хрущева
Собрались в райкомах, и снова
Комсомол, как всегда,
Встал на подвиг труда,
Как всегда, как всегда, как всегда.

На другой день ТАСС сообщает, что Хрущева сняли с работы. Что делают наши жестокие ребята? Они берут редакционный красный автомобиль, едут на работу к этому поэту и забирают его якобы в каталажку. А тогда же люди все всерьез воспринимали! Это же не шутки были! Повезли. Доехали до серого дома на Дзержинской и расхохотались. И – назад на работу увезли. Хорошо, обошлось, а могли человека и угробить. Тем более, он был в возрасте.

Но были и более потрясающие шутки – материального характера. Розыгрышами всеми занимался Василий Феклюнин. Был такой журналист. Он просто не мог дня прожить, чтобы чего-нибудь не сотворить. Самые невинные его шутки. Однажды приехал Малый театр на гастроли. А в молодежной редакции работали одни женщины. Красавицы, молодые – Григоркина, Инна Бобылева и Роза Ивановна Панкратова. И вот Вася звонит от имени секретаря комитета комсомола Малого театра и говорит: «В пять часов молодежь театра хочет встретиться с молодежной редакцией радио». И вот девочки украсили свою комнатку цветами, купили виноград, шампанское, яблоки, персики. Ждут-пождут – пять часов, никого нет. Заглядывает Феклюнин – раз-другой: «А что это вы здесь делаете?» Они: «Иди отсюда, иди!». И вдруг Панкратовой ударило: это же он, такой-эдакий, нас разыгрывает! Пришлось всех позвать. Все съели, все выпили, и были довольны. А потом Элина Быстрицкая пришла к нам на запись, мы ей рассказали, а она говорит: «Да у нас и молодежи-то нет в театре». Она самая молодая – ей сорок лет.

И вот с той же Розой Панкратовой. Звонит она по делу в зооветинститут и попадает случайно к Феклюнину по нашему коммутатору. «Это профессор такой-то?» Вася говорит: «Да». – «Вы там новую породу овец вывели, мы хотим про это рассказать». Вася ей тут же наговорил про каких-то козлотуров – в это время как

раз вышла книжка Фазиля Искандера «Созвездие Козлотура», и он оттуда чешет. Она записала все это на диктора. А я как раз звукорежиссером работала на этой программе, а режиссер Люда Астафьева. И вот диктор читает рацею эту, и вдруг я соображаю – это же из Фазиля Искандера! Тогда «Созвездие» было у всех на устах, знаменитая книга! Бегу к Панкратовой, спрашиваю: «Кто вам это наговорил?» «Я сама, – отвечает, – звонила в институт». Стали мы разбираться, и до нее дошло. А Васька Феклюнин – совесть его заела! – за три часа до эфира нарисовался, и мы сняли этот материал, сделали музыкальную замену. «Ну, – говорит он, – тут я уже не виноват. Вы сами должны знать такие вещи».

Потом самый глобальный розыгрыш. Тот же Вася Феклюнин звонит в спортивный комитет КазССР по шахматам. Сымитировал междугородний звонок из Киева: «Алло, алло! Это гроссмейстер Банник». А дело было накануне шахматной олимпиады, и настоящий Банник – это знали все – был игроком предельно перспективным. И вот Вася от его имени говорит: «Я решил переехать в Казахстан. Но у меня условия – мне нужна квартира в центре города, ну и, конечно, все необходимое для проживания в ней. Через два дня я перезвоню, чтобы узнать результат». Председателем шахматной федерации в те поры был Браун. Человек очень точный и более чем ответственный во всем, он за один день – представляешь! – квартиру в новом доме на улице Дзержинской, угол Шевченко раздобыл и какие-то еще блага для этого Банника выбил. Ну вот. А через два дня Банник, точнее, Вася Феклюнин звонит снова и назначает встречу в аэропорту. Говорит, что прилетает, предупреждая при этом, что пьет он только армянский коньяк. На радостях, что фортуна приготовила им поистине царский подарок, вся эта спорткомитетовская шайка-лейка во главе с Брауном едет в аэропорт, направляется в ресторан. А там... Там с поименованным армянским коньяком их встречает, конечно же, Вася Феклюнин! О, это было что-то! Куда там Гоголю с его немой сценой в своем хрестоматийном «Ревизоре»! Бедняга Браун долго про то без дрожи в коленках вспоминать не мог.

А однажды звонит некто председателю радиокомитета и говорит: «Это из КГБ. Сейчас отправляется в полет стратостат, и мы решили отправить на нем двух журналистов. Именно радио – чтобы записали репортажно все восторги и комментарии». И Шалабаев подбирает этих журналистов – Диаса Омарова и Игоря Леонова. Игорь с вещами пришел, а Диаса ищут, найти не могут. У него накануне дочка первая родилась, он в ванне лежит, отмокает от возлияний. Его вытаскивают, с вещами на радио. И тут приходит Феклюнин и говорит: «А вы что тут делаете? А-а-а, на стратостате захотели покататься!» И никому в голову не пришло – какой там стратостат, когда космические корабли бороздят пространство!

Был у нас также Юра Сацук – первый режиссер телевидения. И вот раздобыли бланки правительственных телеграмм и принесли ему: «Вызываетесь Москву открытие памятника Екатерины Второй». Телеграмма пришла на имя заместителя председателя Вениамина Ивановича Ларина и вызывали именно Сацука. Никто не подумал – почему именно его, кто там знает Сацука? Все были заморожены этой красной полосой. Но Сацук обладал невероятно острым чувством юмора, и, выйдя из ларинского кабинета, он тут же направился в нашу молодежную редакцию и говорит: «Не знаю, кто это сделал, но это что-то гениальное. Какой там памятник, какая Екатерина в наше время?».

Ну, а в Лермонтовском театре, где я была одно время заведующей литературной частью, помню – Евгений Яковлевич Диордиев, замечательный артист старшего поколения, страшно обижался на режиссера Захарова, что тот выпускал его на

сцену... в кальсонах. Он играл в «Чайке», и там такая пробежка диагональная. Он бежит, а кальсоны ему малы, под колено – никак по размеру не могли подобрать – и тесемки развеваются. И он все ходил ныл-ныл, что это так не красиво, и хотел заменить этот якобы костюм, а Захаров не соглашался. И мы написали такую тогда эпиграмму:

Приснился мне ужасный сон,
Как будто я в каком-то акте,
А может, даже и в антракте
К вам появился без кальсон.

И дядя Женя сразу перестал нудеть. Видать, представил, что тот может его вообще голяком выпустить.

Но то была газетно-радио-театральная эпопея. А на поле Союза писателей мы упражнялись уже с Валерием Антоновым. И бессменным объектом был у нас Геннадий Кругляков. Много лет он стремился получить официальное звание литератора. Наконец мечта его сбылась, ему был вручен членский билет Союза. Причем, утверждал он, совершенно заслуженно, так как природа наградила его даром слагать стихи. Гена часто издавал книжки, любил декламировать, и почти во всех выступлениях звучали строки про ребят-воинов из его родной деревни Тахтаброд. И вот у нас с Антоновым родилась такая пародия:

Даром меня одарила природа
Даром писать о парнях Тахтаброда,
Даром о новом писать и о старом,
Все, что ни делаю, делаю даром.

А потом более едкая эпиграмма:

Он отточил перо и речь
В своих поэмах стройных,
Их сочиненья стоят свеч,
Жаль только – геморройных.

Досталось Круглякову и на выходе сборника «Окжетпес». Тогда все обыгрывали это название. И вот что у нас получилось:

Он рассыпался мелким бесом
И разразился «Окжетпесом».
Тогда промолвил мелкий бес:
«Какая ж лажа – “Окжетпес”»!

Исторической стала эпиграмма на «Министреля». Так прозвали Олжаса Сулейменова, когда он уходил на время из Союза писателей в министры кинематографии. Этакая игра слов – тут тебе и министр, и поэт, и он же певец-менестрель. А Олжас Омарович всегда очень обижался на эпиграммы. Но в тот раз мы писали вовсе не про него. Сидя в писательском баре «Каламгер», мы с Валерием Антоновым пытались под бутылочку доброго «Бургундского» выдать что-нибудь ехидное в адрес его друга Славы Карпенко. Слава заведовал тогда отделом очерка в «Просторе» и был буквально влюблен в Олжаса. Эпиграмма никак не складывалась, потому что

Карпенко с его украинской фамилией не поддавался никаким законам склонения. Дело шло к вечеру, через два часа Олжас должен был читать стихи во дворце Ленина, и представлять его публике предстояло Антонову. Видя, как вновь и вновь наполняется бокал, Олжас нервничал. А Валерий тем временем безмятежно занимался поэтическими экзерсисами. Наконец Министрель не выдержал: «Ты знаешь, – грозно подступился он, – что у тебя через два часа выступление?» «Знаю», – как бы между прочим пробросил Антонов. «Но ты помнишь, – взорвался Олжас, – что выйти на публику желательно хотя бы в приличном виде?» От окрика вдохновение наше улетучилось безвозвратно, но на смену ему пришло иное четверостишие, как бы от имени Карпенко:

Кино подтянули до уровня века,
На очередь встала и наша семья,
Где рубят искусство лишь два человека,
Сказать по секрету, Омарыч да я.

Эпиграмма разлетелась мгновенно. Уже на вечере ею перешептывались во всех рядах. Задетый за живое, Олжас, подойдя на второй день к барменше Вере, проявил свою административную власть. «Антонову, – распорядился он, – ни в долг, ни на мой счет рюмки не давать!» Вино-то брали в нашем писательском кафе тогда в долг. У Антонова по этому поводу было даже чисто каламовское:

Он сказал ей на полном серьезе,
Что он должен не Вере, а Розе.
Но я знаю на личном примере,
Что он должен и Розе, и Вере.

Проблема денег грызла души господ писателей и носила вселенский характер. Решали ее обычно сообща, а если такового не случалось, старались воспринимать жизнь философски. Как, например, Лев Щеглов, который писал:

И я, как всегда, по карманам полез,
Последнюю мелочь считая,
Но там, как всегда, не бывает чудес,
Чудес, как всегда, не бывает.

Последний глоток безвозвратно исчез,
Бутылка безгрешно пустая.
Увы, на столе не бывает чудес,
Чудес, как всегда, не бывает.

Так что же мне делать с собою и без
Себя, ни за грош пропадая?
Увы, в голове не бывает чудес,
Чудес, как всегда, не бывает.

На эту актуальнейшую тему у Бахытжана Канапьянова были такие строки:

С единственным рублем в кармане
Гуляю по ночной Москве.

Их тут же подхватили, и появилась эпиграмма:

С единственным рублем в кармане
 Гуляю по ночной Москве.
 Признаюсь ли жене, как маме,
 В своей единственной тоске?
 Мелькают башни и колонны,
 Балкон с застиранным бельем,
 А я, тоской закабаленный,
 В Москве вдвоем хожу с рублем.

Ну а с Валерием Антоновым у нас шла и между собой бесконечная пикировка. Я на него пишу, а он на меня. Одна из удачных полив его появилась после того, как я долго просилась с ребятами на рыбалку. «Женщин нам брать туда нельзя, – строго отрубил Валера. – Это дело чисто мужское». Ну а чтобы я не обижалась, тут же объяснился, нажимая на мое собственное имя «Инна»:

С тобою нас соединила
 Не предприимчивая страсть –
 Инная есть на свете сила,
 Инная есть под солнцем власть.
 Наш предок, вылезший из ила,
 Навидоизменялся всласть,
 И слишком все его томило,
 Чтоб в стихотворчество не впасть.
 Сложил строку, сложил другую
 И приголубил дорогую.
 А после выдал жест такой – *(при чтении он показывал его)*
 Да не томит тебя обида,
 Но лишь для продолженья вида
 Свел рифму женскую с мужской.

Я на это ответила:

С тобою нас соединила
 Не предприимчивая сила
 На берегу крутом Или.
 Наш предок, вылезший из ила,
 Промолвил: «Где ж меня носило,
 Что оказался на мели?»
 С тобою нас соединила
 Подружка-лень. Не возвестила
 Ни строчки, ни куплета в день.
 Она ведь лишь журчит, не сушит
 И не кричит: «Спасите души!»,
 А прячется от солнца в тень.

Многие фразы и стихи стали тогда крылатыми и вошли в поговорку. Того же Антонова, который на выход остропублицистической книги Владлена Берденникова «Теплая земля» написал эпиграмму:

Сказал Берденников,
 Бровями шевеля:
 «Пусть будет пухом всем вам
 “Теплая земля!”»

У замечательного художника и сочинителя детских сказок, к сожалению, рано умершего Володи Безелюка было бессмертное:

Ты писатель, я поэт,
 Ты не пьяный, а я нет.

Мы все были – одна компания. И, конечно, тоже рано ушедшая Тамара Мадзигон, которая всегда была притчей во языцех у товарищей идеологов. Как только выступал кто-то из руководителей партии и правительства, ему в доклад запускали утку – есть, мол, такая поэтесса, которая пишет не то, что надо. А после публикации в «Просторе» таких строк, как:

Сними мои руки с холодной реки,
 Сними мое платье, на мхи постели, –

стали говорить, что «эта Мадзигон докатилась уже и до эротики!». А стихи были хорошие. И вот, якобы прослышав, что поэт и издательский редактор Саша Скворцов весь в ужасе от ее стихов, мы написали такую поливу:

Все было чудно, мы прекрасно жили,
 И тех годов умолк зловеший звон.
 Но вдруг сегодня утром сообщили,
 Что объявилась контра Мадзигон.
 Куда же раньше, братцы, мы смотрели?
 А ведь казалось – видно все до дна,
 И мы не знали, что ведет к постели
 Своей порочной музою она.
 И даже Санька, женоненавистник,
 О сборнике ее услышав весть,
 Сказал: «Хоть на мене и бабы виснуть,
 И все же не могу ее прочесть!»

60–70-е годы – было время авторских песен. Все знали бардов Владимира Высоцкого, Булата Окуджаву, Юрия Визбора. Их пели, на их манер слагали что-то новое. Но у нас был Игорь Кабак, который никому не подражал, и весь город распевал его. Самой популярной из его песен была «У Зеленого базара». Она оказалась провидческой, так как мы дожили до времен великих бомжей. Оно ведь действительно факт, что профессор консерватории торгует газетами на углу, а кандидаты наук и крупные спецы ездят в шоп-туры. И то, что воспринималось как шутка, стало днем сегодняшним.

У Зеленого базара
 Толчея и суета,
 У Зеленого базара
 Колобродит сволота.

Тот бездельник, тот без денег,
Тот с рождения в доску пьян –
Этот бывший академик,
Этот бывший капитан.
И в деньгах у них не густо,
По карманам только медь,
И в желудках тоже пусто,
Но приходится терпеть.
Им, ребята, все до феньки –
Был бы вермута стакан.
Жаждет бывший академик,
Жаждет бывший капитан.
Их подружка Валька где-то
Заработала тройка
За веселье до рассвета,
За всего один синяк,
Но совсем не ради денег –
За талант, что Богом дан,
Любит Вальку академик,
Любит Вальку капитан.
И возьмут они портвейну,
У арыка сядут в ряд,
Про теорию Эйнштейна,
Про Шекспира говорят.
Их любой мильтон заденет,
Оскорбит любой пацан,
Терпит бывший академик,
Терпит бывший капитан.

Тогда муссировалась очень сталинская тема. Много людей возвращалось из лагерей, и все, что там происходило, было на слуху. На кухнях и в компаниях пели Юза Олешковского:

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознании вы знали толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ – серый брянский волк.

А Игорь тогда поехал в туристическую поездку по Енисею массовиком-затейником на каком-то теплоходе и побывал в Туруханском крае, на реке Курейка. То есть там, где было место ссылки достопамятного Иосифа Виссарионовича. И привез оттуда песню смешную, но очень точную.

Курейку нашу забывают снова,
А раньше балерины даже знали –
В условиях климатически суровых
Здесь ссылку отбывал товарищ Сталин.

И мы теперь свободнее вздохнули,
У нас теперь ответственности меньше,
Мы снова, как в почетном карауле,
Все ничего, но только жалко женщин.

Силен Сосо был в этом самом деле,
 В Москву его не зря забрали, значит,
 Бывало, все в шинке уже косели,
 А он еще просил какой-то чачи.

Дальше шло историческое развитие событий вплоть до смерти героя. И вот развязка – прямо в перекличку с сегодняшним днем:

Но вот однажды осенью пригнали
 Толпу интеллигентных заключенных,
 И дом, в котором жил товарищ Сталин,
 Покрыли остекленным павильоном.

А павильон, конечно, не больница,
 Не банк, хотя и стоил миллионы.
 Мы без больниц привыкли обходиться,
 Попробуй обойтись без павильона!

Жили политикой, жили и повседневностью, где были, конечно, и курьезы. Один из них связан с шуточным стихотворением про чимкентского поэта Олега Постникова. Его очень все любили, и каждый приезд его в Алма-Ату был целым событием. На этот раз он получил очень большой гонорар и, отметив все честь по чести, простился со всеми и поехал в аэропорт. Но очень скоро вернулся и говорит: «Меня обокрали». Ну что, поохали-поахали, посудачили и, скинувшись, отправили беднягу снова. На этот счет у меня сочинилось такое:

Уезжает товарищ. Пока!
 Провожать не поедем, не бойся,
 Чтоб, смеясь, не дрожала рука
 В ожидании слез на погосте.
 Уезжает. Ему поделом
 Исчезать завитком за углом,
 Уносить неширокую спину
 И болезненно двигать плечом –
 Мол, ему уходить нипочем,
 Жизнь отыграна наполовину!
 Ну, и мы исчезаем. Пока!
 Возле рюмки сидим коньяка
 И судачим, что смысла в уходе
 Никогда не бывает, поверь.
 Жизнь – сплошная открытая дверь,
 Равноценна судьбе и свободе.

Такое нормальное, вполне серьезное стихотворение. Приезжает вновь Олег, и я говорю: «Слушай, я такой стих тебе написала!» Он читает его, зеленеет и начинает... снимать рубашку. «Это у меня-то неширокая спина! – негодует. – Да ты посмотри, какая она спортивная!» И болезненно двигает плечом. Обиделся. Он тогда не болел еще, а в стихе как бы пророчество получилось. И погост там, и спина. А через три года его не стало.

Другой момент связан был с нашим другом – поэтом и журналистом Валерием Михайловым. Накануне, в субботу, у него собирались по случаю какого-то торже-

ства ребята. А поутру он звонит мне: «Скорее приезжай!» Я приезжаю, а он сам не свой. И говорит: «Наверное, я схожу с ума. Когда вечером я ложился, на диване спал Павел Петрович Косенко. Ночью встал воды попить – спит Кайрат Бакбергенов. Проснулся через час – на месте Кайрата Олег Постников. Утром, часов в шесть, вижу – собирается домой Лида Степанова. А теперь вот вообще никого. Все заправлено, диван пустой. Мистика какая-то».

А у Валеры было прозвище «Мотылек», потому что он тогда самовыражался так:

Разве не видите вы
Со своего висока:
Высокомерней травы
Розовый порх мотылька!

И я посвятила ему «Диван, или Нечто восточное»:

Я испытал блаженство свиха,
Проснувшись как-то поздненько.
Гляжу, Кайрат на грани списа,
А был недавно Постников.
Порх в магазин, держась за стенку,
Вернулся обутыленный,
Глядь – на диване спит Косенко,
Конечно, обессиленный.
На кухню шасть – посуду жучу,
Еще почти не пьяные.
Глядь, на диване, странный случай,
Уже лежит Степанова.
Чудес на свете не бывает,
Одни напасти жуткие –
Диван к себе располагает
Почти без промежуткия.

Много комичного было связано со Львом Щегловым. Московский поэт, он несколько лет жил в Алма-Ате, был редактором издательства «Жазушы». Это мой любимый учитель – он никогда меня не щадил, без конца критиковал: «Здесь ты не доработала, здесь тебе было лень, эту строку надо вообще выкинуть, здесь отрубить». Все вивисекции мы проводили вместе, и он, как правило, оказывался прав.

И вот однажды он заболел. Лежит на тахте и стонет. Такой несчастный! Вокруг него все скачут, а ему это доставляет удовольствие. И до того мне смешно стало, что ему нравится, как за ним ухаживают. Я тут же села за машинку и написала целую эпопею.

Наш бородатый Лев усох,
Ослабли обручи трусов,
Душой тряся, как бородой,
Стихов свершает он надой.
А покопаться – там сполна
И пятки есть, и есть спина.
Играет в прятки с ними Лев –
Забавы для несвежих дев.

* * *

Люблю, о Лев, ласкать лениво
 Ланиты, лопнувшие лживо,
 Любя, лавировать лениво
 Меж лимфатических лиан,
 Литературные лимоны
 Лизать с лукавством лошадей.
 Любовь ли лепит лик людей?

* * *

Штейнруды, простуды, ОРУДы,
 Олжасы немислимой расы –
 Пусть катятся все восвоися,
 Когда мне строка удалася,
 Да так, что Копытина Васю
 Я точно сразил наповал.
 Кричите старинное «Ал!»,
 Кричите знакомое «Фас!»,
 Распните иль вырвите глаз,
 Увы, не замолкнет мой глас!

Чтобы было понятно, объясню. Света Штейнруд – заведомо литературы «Ленсмены», где печатался Лев, а Вася Копытин – поэт старшего поколения, считался маститым, и Лев был редактором его очередной книги.

Очень общительный, Лева быстро вошел в нашу компанию, сблизился с «Простором», где редактором был Иван Петрович Шухов, а ответсекретарем Ростислав Петров. Вскоре ему удалось выпустить книгу «Осень в Алма-Ате», которую он дарил всем и каждому, подписывая неизменно: «Моему современнику». И экспромтом возникло:

Я Льва Щеглова современница,
 В казахском стане злая пленница,
 Горжусь собой и Львом горжусь
 И чувствий этих не стыжусь.
 Стихи мы пишем, чтобы Шухов
 Чесал себе ногой за ухом,
 Чтобы почтенный Ростислав
 Нам воздавал рублем от слав,
 Чтобы завистливый Антонов
 Не почитал нас за питонов,
 А член Союза Кругляков
 Пощупал слог и был таков!
 Болею я, болеет Лев,
 Хоть он страдает, заболел.
 Но миль пардон, еще есть Руфь –
 Уффы!

Ну, Руфь, само собой, – известная поэтесса Руфь Тамарина, товарищ верный, преданный и требовательный как к себе, так и к другим.

Было много у нашей братии и чисто литературных пародий, и даже самопародий. Ну куда как великолепно сложила Надя Чернова «избранное» из цитатных строк Василия Бернадского:

«Бежали к звездам паровозы»,
«Родили травы новый день»,
«А я – писал метаморфозы»
«И шел с улыбкой набекрень».

У Нади же – на темиртауского поэта Виктора Фетько. Эпиграфом шло: «Я не дальтоник...». А потом:

«Вот так же я уже немало лет
Ищу себя, а нахожу другого».

И вот сама пародия:

Я не дальтоник, я совсем другой,
И я всегда любил себя такого.
Но вот случилось странное со мной –
Ищу себя, а нахожу другого.

Взгляну в трюмо – Шекспира встречу взгляд,
Виски щечочет байроновский локон,
А сборник свой открою наугад
И сразу же наткнусь на строчки Блока.

И в паспорте моем портрет не мой –
Кудрявый Пушкин там. Боюсь чертовски:
Приду домой однажды, а с женой
Живу не я, а мрачный Маяковский.

Целая эпоха в моей жизни – наш университетский учитель, профессор Александр Лазаревич Жовтис.

Нет, наверное, ни одного важного для меня вопроса, ни одной проблемы, по которым я не обращалась бы к нему. И еще – мы все время ходили с ним за грибами, и об этом одно мое стихотворение. Оно иносказательное, и, наверное, за это мне страшно досталось когда-то от моих редакторов. Его переделывали, как хотели. А в оригинале оно такое:

Растут поэты, как грибы,
Трутовики и сыроежки,
И шампиньоны с кожей нежной,
И грузди, сыты и грубы.
И привлекают мухоморы
Неосмотрительные взоры.
Но наш вожатый-чародей,
Познавший все законы слога,
Учил грибной охоте строго
В манере пламенной своей.
Вожатый, милый, не взыщи,
Когда, забыв твои уроки,
Грибами разбавляем щи,
Неверные выводим строки.

Но чтобы выжать черный яд
Из стихотворных наших строчек,
Учитель, сколько лет подряд
На плитке варишь кипяточек?

Годы идут, все мы, к сожалению, стареем. И теперь уже слагаются не эпиграммы и шаржи, а скорее юбилейные посвящения. Совсем недавно мы отметили 60-летие Виктора Бадикова, замечательного педагога, вдохновенного исследователя творчества Юрия Олеши, мэтра нашего литературоведения, друга многих писателей и поэтов, в том числе и Адольфа Арцишевского. Посвящение это, а точнее, экспромт-загадка называется «Кто он?»:

Он жил всегда размеренно и круто,
Не полагаясь на чутье небес, –
Играл Шопена, прыгал с парашютом,
Дрессировал заблудших поэтесс.
И, развивая в друге комплекс гения,
Желал Адольфу славы и добра,
Он до костей дробил его творения
И собирал их росчерком пера.
Ему не страшен ни шайтан, ни леший,
Он прям, как тополь, крепок, как скала,
В крови его кипит вино Олеши,
И тяжесть лет ему не кабала.
Кто ж юбиляр? Не затевайте спор.
Конечно, это Бадиков Виктор!

Когда начинаешь вспоминать, многое приходит в голову. Но обо всем не скажешь, коли печатная площадь ограничена. И если будешь что-нибудь публиковать, можешь дать на концовку вот это, только что написанное:

Пройдет полвека или век,
А в общем – целая эпоха.
А в самом деле человек
Живет от выдоха и вдоха.

И в этом узком закутке
Он тот, каким себя мерещит:
Красив, шагает належке,
Избегнув порки и затрещин.

По-настоящему святой,
Цветы оставив у порога...
...Ведь жизнь дана как дар простой,
А слава достается Богу.

